

СМЕРШ

спецназ Сталина

НАЦИСТЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Нацисты в белых халатах

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Нацисты в белых халатах / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2018 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-090996-4

В секретной лаборатории на территории Белоруссии нацистские медики создают уникальный препарат, который сделает солдат Вермахта неуязвимыми. В качестве живого материала для своих изуверских опытов эскулапы используют узников концлагерей. Работы близятся к концу, но применить открытие палачам так и не удастся – лабораторию захватывают бойцы наступающей Красной Армии. Абвер забрасывает в советский тыл группу диверсантов, которая освобождает пленных медиков. Но уйти им не удастся. Подразделение СМЕРШ во главе с майором Никитой Поповичем преследует врага и окружает его. Но даже обреченные на гибель, немцы яростно сопротивляются натиску контрразведчиков. И тогда майор Попович пускает в ход свое главное оружие – военную хитрость...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090996-4

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Нацисты в белых халатах

Глава 1

Сухощавый мужчина в медицинском халате, бледный, с глубокими лобными залысинами, перевернул страницу календаря и задумчиво уставился на текущую дату: 16 сентября 1943 года. Он зачем-то глянул на наручные часы, покачал головой, потянулся к папке, вынул листы, бегло просмотрел вчерашние лабораторные отчеты и недовольно покрутил головой. Его шею сдавил воротник кителя, который он носил под халатом. В петлицах в свете настольной лампы поблескивали молнии-руны.

Мужчина расстегнул ворот, ослабил давление на горло. Но это почти не помогло. В последнее время с ним частенько стало случаться такое.

Он вздрогнул, когда на столешницу улеглась тень. В рабочий кабинет, где отсутствовали окна, проникла особа в белом халате, с собранными на затылке белокурыми волосами. Она положила на стол тонкую папку из дорогой кожи.

– Доброе утро, герр Штеллер, – вкрадчиво поздоровалась женщина. – Это отчеты за ночь...

– Клара, а нельзя входить так, чтобы я не вздрагивал? – Мужчина раздраженно покосился на сотрудницу.

У женщины под халатом поблескивали такие же руны, а в другой петлице белел череп с перекрещенными костями.

– Извините, доктор. – Женщина виновато склонила голову. – Я не знала, что вы стали таким чувствительным. Прошу обратить внимание на последние лабораторные данные из четвертого блока. Они внушают оптимизм. Вам что-нибудь нужно?

– Да, кофе, – проворчал доктор Штеллер. – С молоком и сахаром. И не такой горячий, какой вы всегда приносите. Его невозможно пить.

– Хорошо. – Женщина бесшумно испарилась.

Когда она вернулась, лицо доктора Альфреда Штеллера, научного руководителя заграничного филиала института бактериологии в Дессау, уже не отражало все недовольство мира. Он с интересом всматривался в колонки цифр и пояснений к ним, оценивал графики и диаграммы. Кивнул, покосившись на маленький поднос, возникший перед глазами, и снова углубился в работу.

Женщина сухо улыбнулась и вышла.

Штеллер еще раз просмотрел последние сводки, откинулся на спинку стула, взялся за чашку и выругался, когда эта горечь с цикорием обожгла губы. Клара неисправима. Впрочем, помощница толковая, не боится смелых экспериментов, в постели не лежит упавшей статуей, как это делает супруга Магдалина, оставшаяся с детьми в Дессау.

Доктору Альфреду Штеллеру недавно исполнилось сорок три. Этот видный бактериолог Третьего рейха когда-то блистал на кафедре вирусологии Мюнхенского медицинского университета, читал лекции, занимался научной работой. В последние годы он ушел в тень, полностью посвятил себя разработке вакцины от сыпного тифа.

Альфред подумал, что действительно стал чувствительным к перемене климата, достижениям конкурентов, собственным промахам и неудачам. Он упорно двигался к цели, не забывал держать себя в нормальной физической и духовной форме. Но в последнее время ему очень часто приходилось нервничать.

Штеллер допил отвратительный пережженный напиток, пружинисто поднялся. Каждый день он работал с гантелями, бегал кроссы по периметру центра.

Он вышел из кабинета, притворил за собой дверь. Часовой в черной форме с кобурой на поясе приветствовал его, приняв стойку «смирно». Доктор кивнул. Мол, виделись уже.

Центральный коридор подземного сооружения был относительно широким. Бетонные стены, утробный гул постоянно работающих генераторов. Он направился влево по коридору, мимо запертых железных дверей.

До прихода германской армии в восточную часть Белоруссии здесь, на отшибе, у большевиков функционировала закрытая психлечебница. Но для нужд медицинского центра этого, конечно, не хватало. Доктор Штеллер лично планировал, как переделать это учреждение под свои нужды.

Строительство продолжалось четыре месяца. Зону оцепили, ввели строгий пропускной режим. Здесь работала строительная организация Фрица Тодта, две сотни советских военнопленных.

Итог доктора вполне устроил. Подземные лаборатории, впечатляющая опытная база со всеми степенями защиты для персонала, крематорий. Наверху бараки для опытного материала, бытовые помещения, казармы.

Центр функционировал около двух лет. Доктору здесь нравилось – далеко от конкурентов и пронырливых ищек из Управления имперской безопасности. Да и материал для исследований не в дефиците. До Оршанского гетто всего сорок километров. А там есть хорошие знакомые, которые всегда не прочь избавиться от лишних ртов.

Вытянулся второй часовой у входа на лестницу. Навстречу прошмыгнули парни в белых халатах, молодые, но многообещающие лаборанты из второго блока.

Вентиляция работала не очень, на лестнице чувствовалась духота. Доктор поспешил спуститься на ярус, миновал раздвижные двери. Поднялись двое, выбросили руки в нацистском приветствии. Он небрежно отмахнулся, снова вышел в коридор.

В первом и втором блоках делать ему было нечего, они пустовали после санитарной обработки. Штеллер спустился еще ниже, вошел в узкий коридор. С одной стороны глухая стена, с другой клетушки. В каждой дверь, окно для передачи пищи, фактически шлюз, исключаящий распространение заразы, оптический глазок для наблюдения. Защитные костюмы в этом коридоре не выдавались. Он считался безопасным.

Штеллер покосился на настенную табличку, освежая в памяти исходные данные. Ранняя дата инфицирования. Вакцина вводилась подопытным три недели назад посредством уколов. Доктор отдавал предпочтение этому способу. Воздушно-капельный считался небезопасным. Запасов бактерий сыпного тифа в лаборатории накопилось вдоволь. Инкубационный период, когда риккетсии проникают в кровь, попадают в лимфоток и направляются для размножения в лимфатические узлы, составлял от десяти до четырнадцати дней.

Альфред приблизился к первому боксу, припал к глазку. Помещение крошечное, метр на два.

«Нормальный гостиничный номер с бесплатным питанием», – шутил его заместитель, штурмбаннфюрер с высшим медицинским образованием Клаус Эрдман.

Бетонный мешок, яркая лампочка под потолком. Узкие нары, отхожее место в углу, маленький откидной столик для приема пищи. Действительно, что еще надо для растительной жизни?

Обитатель бокса был полностью обнажен. Он свернулся в углу между нарами и отхожим местом, мелко подрагивал. Человек был не старый, но совершенно седой. На его черепе кое-где поблескивали островки плешки. Подопытный не выглядел изможденным, их кормили, но болезнь брала свое. Весь живот покрывала пятнистая розовая сыпь. Конечности мелко дро-

жали. Мужчину преследовал жар, он что-то бессвязно бормотал, тряс головой, терял сознание, потом ненадолго приходил в себя, тоскливо смотрел в потолок слезящимися глазами.

Чесотка не давала ему покоя. Он яростно скреб обкусанными ногтями поврежденные участки кожи, превращая их в глубокие нарывы.

– Тяжелый случай, Альфред? – прозвучал вкрадчивый голос.

Штеллер покосился через плечо. К нему подошел Клаус Эрдман, мужчина схожей комплекции, того же возраста. Он носил очки. Зрение в последние годы стало подводить. Они учились вместе, делали совместные шаги в чарующем мире вирусно-бактериологических исследований.

Год назад Штеллер предложил бывшему сокурснику переехать из уютного Кельна в далекую враждебную Белоруссию, и тот, как ни странно, согласился. Видимо, чутье подсказало, что у Штеллера больше шансов, чем у его конкурентов из Бухенвальда и Нацвейлера. Развлечений в этой местности было немного. Но это не такая уж досада для фанатиков своего дела.

– Не думаю, что следует их здесь держать, Клаус, – проворчал Штеллер. – Этот блок надо очистить и хорошо продезинфицировать. Клиническая картина мне ясна.

– Шестеро заболевших из двадцати возможных. – Эрдман хмыкнул. – Нечто подобное было у доктора Пола. Он считал это неплохим результатом. Во всяком случае, не сомневался в том, что движется в верном направлении.

Штеллер промолчал. Этот бездарь доктор Пол занимался выработкой вакцины по заданию германского правительства. Да, отчего бы не работать в Бухенвальде? В сорок втором году он заразил тифом 26 цыган, предварительно введя им сыворотку собственного изготовления. Шестеро умерли от прогрессирующей болезни. Руководство осталось недовольно, мол, высокий процент смертности. Дальнейшие исследования ни к чему не привели, до текущего года, во всяком случае. Процент оставался тем же.

У доктора Кретъена в концлагере Нацвейлер получалось лучше. Те же шесть летальных исходов, но уже на 80 цыган. Но даже этот результат наверху посчитали посредственным. Правительство выделяло средства, но воз, как говорят русские, и ныне там.

Штеллер был уверен, что рано или поздно покажет этим тупицам, как надо работать, добьется оглушительного успеха. Но его жутко раздражали достижения этих чертовых русских! Их способный микробиолог из Перми Пшеничнов в конце тридцатых как-то сумел выжить и даже сохранить свой пост заведующего кафедрой микробиологии. Еще в прошлом году он создал эффективную вакцину.

Этот факт оказался тяжелым ударом по самолюбию Штеллера. Что за вакцина, он не знал. Информацию русские засекретили, получить формулу немецкая разведка не смогла. Возможно, это была дезинформация.

В любом случае, пока у русских дойдет до применения, годы пролетят. Немецкие ученые форсировали работу, кто-то потихоньку добивался результатов.

Доктор сместился к следующей камере. Всего их в коридоре было двадцать.

Растрепанная женщина, обвисшая кожа, одутловатое лицо, черные круги вокруг глаз. Она еще не вышла из детородного возраста, но растеряла всю привлекательность.

Впрочем, прелести подопытных доктора не волновали, он их просто не замечал. Да и за людей этих двуногих и сравнительно прямоходящих существ не считал. Она сидела на нарах, обняв себя за плечи. Женщина тяжело дышала, раскачивалась, ее глаза бессмысленно блуждали.

Возможно, у нее начинались проблемы с психикой, что неудивительно при длительном нахождении в замкнутом пространстве. Или что-то другое. Но никак не сыпной тиф. Данный экземпляр не заразился.

В следующей камере сидел чернявый паренек лет пятнадцати. Столик откинут, на нем пустая миска, «безопасная» алюминиевая ложка. Паренек был неподвижен. И тоже никаких признаков прогрессирующего заболевания.

В четвертой же камере тиф процветал! Снова женщина, худая, длинноногая, возможно, молодая. Она металась в бреду на нарах. Почти все ее тело обросло фиолетовой сыпью. К завтраку подопытная не прикасалась, миски стояли в стальном коробе. Она расчесывала себя до крови. Все нары и стены были измазаны ею. В подобном состоянии человек не думает даже о спасительном самоубийстве, которое повернуть в этих стенах проблематично.

Впрочем, не так давно одному удалось. Он ухитрился разбить затылок о бетонную стену.

Дальше доктор не задерживался, припадал к глазку и шел по коридору. Заболевших подопытных в блоке не прибавилось. Те же шестеро. Отработанный материал.

Он вернулся к выходу, по боковому коридору перешел в четвертый блок. Нетерпение подгоняло его, но он сдерживался.

Учтиво поздоровался с шефом нескладный Отто Крузе, бывший лаборант, ответственный за порядок в четвертом блоке. Он убедился в том, что доктор прибыл не по его душу, и растворился в чреве коридоров.

Те же двадцать узких боксов, слепящий свет. Данную публику инфицировали две недели назад, улучшенной вакциной, которую Штеллер изготовил лично, отказавшись от услуг помощников и прочих лаборантов. Он не спал две ночи, ломая голову над совершенствованием суспензии возбудителей болезни, которой заражал вшей. Не отходил от биноклярного микроскопа с тридцатикратным увеличением, впрыскивал ее через капилляр в кишечник насекомого.

Неужели попал? Или рано об этом говорить? Две недели – оптимальный срок, но бывали случаи, когда инкубационный период длился дольше. Он чувствовал волнение, но держал себя в руках. Помощник Эрдман наступал ему на пятки.

Пожилой мужчина в первой камере скорчился в три погибели и спал. Следом девочка-подросток. Она тоже свернулась на нарах и тихо всхлипывала. Двое мужчин, женщина, ребенок...

Возбуждение доктора нарастало. Симптомов болезни не было ни у кого!

В восьмой по счету камере лежал мертвец. У старого еврея не выдержало сердце. Пальцы скрючены, лицо, обросшее клочковатой бородой, свела судорога. Умер недавно – персонал проводил осмотр ежечасно, – но, слава богу, не от тифа.

В следующих камерах тоже все в порядке. Кто-то спал, кто-то лениво доедал завтрак – калорийную ячменную кашу, немного сдобренную свинными потрохами. Чего не сделаешь ради науки? В питье подопытным тоже не отказывали. В каждой камере стояла канистра из пластика, наполненная кипяченой водой.

За условиями содержания материала Штеллер следил и строго спрашивал с подчиненных. Заключенных не били, не истязали работой, продукты и воду тщательно обеззараживали. Дополнительные инфекции центру были ни к чему.

Штеллер внимательно всматривался в глазки. Многие люди в этом блоке плохо себя чувствовали, проваливались в какой-то анабиоз, но ни одного симптома болезни! Кожа была чистая, повышенной температурой никто не страдал.

В последней камере в позе роденовского мыслителя сидел молодой человек с полностью высушенной кожей и угрюмо смотрел в противоположную стену. Когда брякнула крышка, закрывающая глазок с обратной стороны, он резко вскинул голову и с ненавистью уставился на мутную гладь из толстого стекла. Было что-то пугающее в этом немигающем взгляде.

Но доктор Штеллер был приучен ко всему. Его это не впечатлило. Не верил он в мистику и проникающие взоры. Альфред отстранился от глазка, смерил взглядом улыбающегося помощника.

– Даже скучно, да? – пошутил тот. – Все живы, все здоровы.

– Выждем несколько дней, – задумчиво сказал Штеллер. – Если симптомы не проявятся, то можно будет сделать предварительные выводы. Возможно, мы столкнулись с увеличением инкубационного периода. Вакцина может сдерживать распространение риккетсий. Нельзя с достоверностью утверждать, что все они погибают. Распорядитесь, Клаус!.. К четвертому блоку должно быть приковано повышенное внимание.

– Хорошо, шеф, – сказал помощник. – Неясное чувство мне подсказывает, что вы переплюнули наших друзей из Дахау и Бухенвальда.

– Утечка информации недопустима! – заявил Штеллер. – Позаботьтесь об этом. Ограничьте доступ к телефонным линиям, просматривайте письма, запретите выезд персонала за пределы центра. Отмените увольнительные охранникам. Они отдохнут после победы. Опытную партию новой вакцины мы сможем изготовить уже завтра. Она будет небольшой, я планирую еще поработать над ней.

– Эту формулу нам следует держать в секрете, – пробормотал Эрдман.

– Неужели? – Штеллер усмехнулся. – Формула здесь. – Он выразительно коснулся угловатого черепа. – И больше нигде. Так что следует усилить меры безопасности. Переговорите с управлением СС в Орше. Пусть пришлют взвод подготовленных солдат. Я собираюсь провести завтра утром еще одну вакцинацию. Мне понадобится первый блок. Пусть в нем проведут повторную дезинфекцию.

– Я понял вас, Альфред. Разумеется, мы все сделаем... – Эрдман как-то смутился.

– Договаривайте, Клаус, договаривайте! – заявил Штеллер.

– Я имею в виду русских, Альфред. – Эрдман справился со смущением. – Наши войска отступают из Смоленщины. Есть опасения, что скоро наши враги вторгнутся в Белоруссию, и мы просто не сможем их сдержать. Новая серия опытов – это как минимум три недели работы. Мы можем не успеть. Хотите знать мое откровенное мнение, Альфред? Мы проделали львиную долю работы. Эффективная вакцина у нас... у вас в кармане. Следует сворачивать работу в Белоруссии, вывозить документацию, персонал, ценное оборудование, перебазироваться хотя бы в Польшу.

– Вы это серьезно, Клаус? – осведомился Штеллер. – Разуверились в силе германского оружия? Считаете, что мы отступаем? Бросьте, Клаус. Все это временные трудности, не имеющие отношения к конечному результату нашей военной кампании. Мы не отступаем, а выравниваем линию фронта, чтобы нанести большевикам новые сокрушительные удары. Вы всерьез полагаете, что они придут сюда?

– Альфред, вы оторвались от реальности с этой вашей бессонной работой. Мне не хотелось бы настаивать...

– Вот и не настаивайте, – сказал Штеллер. – Вы будете делать это в другом месте и при иных обстоятельствах. Я пока еще руковожу этой лабораторией, и будьте добры исполнять мои указания. Прикажите подготовить новую партию заключенных, провести дополнительную дезинфекцию в первом блоке и очистить третий. С этим экспериментом мне все ясно. Мне хотелось бы побеседовать с парой испытуемых из третьего блока, которые не подверглись заражению.

– Вы бы лучше отдохнули, Альфред, – проворчал Эрдман. – У вас неважный вид. Вас когда-нибудь добьют эти бессонные ночи. Хотя кому я все это говорю? Хорошо, Альфред, все ваши пожелания будут выполнены. Надеюсь, вечером вы найдете время, чтобы перекинуться в покер?

Штеллер тоже испытывал сомнения в непобедимости германской армии, но старательно их скрывал. Он не понимал, почему немецкая армия вдруг стала отступать, проиграла битвы под Москвой, Сталинградом и Курском. Он не был военным специалистом, хотя формально носил звание оберштурмбаннфюрера и даже соответствующую форму.

Доктор Штеллер считал, что каждый истинный патриот Третьего рейха должен заниматься своим делом и поменьше лезть в чужие. Бросить лабораторию в Буровичском районе – это смерти подобно! Да, он это сделает, но только в крайнем случае, когда положение на фронтах окончательно испортится.

Специальная команда в защитных костюмах освобождала третий блок. Людей прогоняли через шлюзы. Неспособных идти вытаскивали баграми и специальными приспособлениями с крюками. Двоих поместили в зону принудительной стерилизации, где надсмотрщики обрабатывали их напором воды со специальным раствором. Остальных на тележках отправляли по шахте вниз.

Подземная печь работала исправно. В нее попадали даже здоровые подопытные. Повторные опыты над теми же людьми Штеллер никогда не проводил. Отработанный материал просто уничтожался. Дефицита человеческой плоти нацистские медики не испытывали.

Труба крематория находилась в овраге, на краю исследовательского центра. Печи приводились в действие только при благоприятном направлении ветра. Сегодня он был западный, самый подходящий.

Захлопнулись створы печи, жадно вспыхнули газовые горелки. В адском пламени все исчезало за минуты. Люди не успевали даже вскрикнуть. Труба коптила, ветер гнал зловонный дым на восток. То, что оставалось от людей, утрамбовывалось в специальную шахту.

Из-за толстого стекла на Штеллера смотрела женщина лет тридцати, уже не обнаженная, на нее накинули серую мешковину. Сутулая, совсем седая, она казалась глубокой старухой. Пустые глаза смотрели сквозь доктора. До нее не доходило, где она находится и что происходит.

Рядом с женщиной сидел мужчина средних лет, кудрявый, с горбатым носом. Он еще не потерял надежду, жалобно смотрел на доктора, облизывал губы.

Эти люди выглядели здоровыми. Не считая, конечно, последствий долгого заточения.

– Здравствуйте, господа, – вкрадчиво проговорил Штеллер, приготовив блокнот и ручку. – Мы можем с вами побеседовать? Как вы себя чувствуете?

Все это звучало издевательски, но доктор был в своем амплуа. В общении с подопытными он всегда проявлял учтивость и не повышал голоса. Это были не просто евреи. Они вносили вклад в торжество германской науки. Он мог себе позволить быть вежливым. Рядом сидел переводчик с немецкого на русский и прилежно пересказывал все, что слышал.

– Кто вы? – прошептала одними губами женщина.

Двусторонний микрофон, прикрепленный к стеклу, усиливал звук.

– Я ваш доктор. Меня зовут Альфред Штеллер, а вас?

– Мы больные, – пробормотала женщина, и в ее глазах появилось что-то похожее на лучик жизни.

– Будем считать, что кризис уже миновал и вы идете на поправку, – туманно проговорил доктор. – Да, господа, вы могли бы заболеть, не примени мы в профилактических целях современное эффективное средство. Итак, я вас слушаю.

– Эстеркин Борис Соломонович, – с готовностью начал мужчина. – До войны работал в ювелирной скупке, оценивал произведения искусства, так сказать. Послушайте, господин офицер, я не понимаю. Три недели сидел в клетке, перед этим мне два раза делали инъекции, но ничего не произошло. Скажите, нас всех расстреляют?

– Кто вам сказал такую глупость? – Штеллер удивленно поднял брови. – Вы внесли большой вклад в нашу науку, за это германские власти даруют вам жизнь и свободу. Вы будете восстановлены в правах, вас вернут в Оршу. Кем, вы говорите, были до войны? Оценивали предметы искусства?

Мужчина заволновался. За ним со снисходительной усмешкой наблюдал переводчик.

– Нас вернут обратно в гетто?

– Если хотите, возвращайтесь в гетто. – Штеллер пожал плечами. – Или к себе. Все ваши товарищи, участвовавшие в эксперименте, уже возвращены в бараки наверху, готовятся к отправке домой.

– Господи!.. – простонала женщина. – Борис Соломонович, вам не следует им верить, они нагло врут.

– Роза Львовна, во что же мне еще верить? – спросил мужчина и сокрушенно вздохнул. – В Господа нашего, который устроил нам такую подлость? Нет уж, благодарю покорно, вторично на эту удочку я не попадусь. Истово буду верить, Роза Львовна, пока не получу пулю в голову. А вдруг этот немецкий господин нас не обманывает?

– Вы представитесь, фрау? – поинтересовался Штеллер.

– Если вам это надо. Муревич Роза Львовна. Согласна, подкачала пятая графа, потому я и здесь. До войны работала бухгалтером на швейной фабрике «Красный пролетарий».

– Что такое пятая графа? – осведомился Штеллер.

Переводчик тут же что-то прошептал ему на ухо.

Тот понятиливо кивнул, хмыкнул и проговорил:

– Я вас не задержу, господа. Мне нужно, чтобы вы рассказали о том, что происходило с вами после первой и второй инъекций. Через неделю, две. В организме, в голове, все, вплоть до сиюминутных позывов. Поверьте, это важно для науки. Давайте назовем это анамнезом, историей болезни, которую ваши организмы благополучно побороли. Я буду записывать ваши слова. Когда вы закончите, сможете отправиться по своим делам. Я вас внимательно слушаю. Давайте по очереди. Начнем с вас, господин Эстеркин.

Ему было важно все. Его вакцина боролась с болезнью, побеждала ее. Эти люди должны были что-то чувствовать и переживать.

За годы сотрудничества с нацистским режимом Штеллер подметил, что евреи ведут себя безропотно. Они с философским смирением расстаются с нажитым добром, жильем, свободой, послушно шагают на расстрел и принимают смерть со скорбными минами. Робко просят не убивать их детей, хотя прекрасно знают, что это бесполезно. Не место подобным нациям в современном мире.

Через полчаса он уже представлял себе клиническую картину. Евреи попались грамотные, подробно описывали все, что с ними происходило. Он разработал именно то, что нужно!

Но для полной уверенности требовался еще один эксперимент, завершающий. Альфред не знал, есть ли у него время на это. Он завершил беседу, пожелал господину Эстеркину и госпоже Муревич всех благ и вышел из комнаты, поделенной пополам ударопрочным стеклом.

Заключенные растерянно переглянулись. К ним подошли люди в форме СС, на ломаном русском приказали встать. Они обращались с подопытными, в принципе, не грубо, вывели их в коридор и приказали спуститься по лестнице. Те безропотно подчинились, пошли вниз.

Последний пролет закончился тупиковой стеной. Они уперлись в нее и растерянно ощупывали. Освещение здесь отсутствовало. Сзади в тишине спускались эсэсовцы. Зажегся фонарь, озарил бетон, забрызганный кровью.

– Вот видите, Роза Львовна, – убитым голосом проговорил Эстеркин. – Я все-таки не ошибся, хотя и надеялся, конечно...

Глухо хлопнул выстрел. Раскололась лобная кость, очередная порция мозговой жидкости забрызгала стену.

Второй выстрел швырнул на стену женщину. Она сползла по ней, волоча за собой кровавую дорожку.

Звякнула задвижка, рослый молодчик со скрипом распахнул стальную заслонку. Убийцы дружно взялись за тела, раскачали их и забросили внутрь. Узники много не весили. Трупы повалились в черную пропасть, на рольганг, расположенный двумя метрами ниже. Тот периодически включался, транспортировал отработанный материал в печь.

Все дороги в этом заведении сходились в одну точку. Персонал неукоснительно выполнял свои обязанности.

Доктор Штеллер тем временем поднимался по лестнице. Подземелье не отличалось головокружительной глубиной. Учреждению это не требовалось. Ниже фундамента располагались лишь только два яруса и ниша с печью крематория.

Вытянулась вооруженная до зубов охрана. Автоматчики носили прорезиненные плащи, на груди у них висели автоматы «МП-40».

В заведении имелись две грузовые машины, пара легких внедорожников с пулеметными установками и четыре мотоцикла «БМВ». Подходы к нему были заминированы со всех сторон, не считая подъездных дорожек. За оградой имелась контрольная полоса, очищенная от растительности. Пулеметчики дежурили на вышках.

Здание бывшей психлечебницы над бункером было расширено, покрашено серой краской. Там располагались службы, общежитие для медицинского персонала.

Штеллер размашистым шагом прошел по дорожке, обрамленной желтеющим кустарником, уперся в ограду небольшого концентрационного лагеря. Здесь держали заключенных, доставляемых из Орши для медицинских нужд. За оградой ворчали и срывались в лай натасканные немецкие овчарки. Охрана пропустила доктора, часовые отдали честь.

Одно заведение внутри другого! Здесь тоже царил идеальный порядок. Два барака, решетки на окнах. Широкая «аллея», вымощенная каменными плитами. Рядом с КПП компактное здание для отдыхающей смены и лагерной администрации.

Штеллер поднялся на крыльцо, постоял там, озирая свои владения.

Заключенные без нужды по лагерю не болтались. В бараках царила тишина, слышались только разговоры охранников.

Он распахнул дверь. В здании попискивала рация. Вытянулся в струнку, щеголевато отдал честь молодой и в меру лопоухий унтер-штурмфюрер Зингер, комендант учреждения.

– Герр оберштурмбаннфюрер...!

– Расслабьтесь, Зингер. – Штеллер опустился на стул. – Чем порадуете? Контингент пополнили? Мне нужно двадцать молодых и здоровых особей, а не доходяг, которых вы пытались мне подсунуть в прошлый раз.

– Прошу прощения, оберштурмбаннфюрер, – проговорил молодой обладатель черепа и костей в петлицах. – Все ваши пожелания я лично передавал администрации Оршанского гетто, а те возложили работу на тамошний юденрат. Разве можно евреям что-то доверять? Они избегаются от тех, кто и так скоро умрет, а администрация смотрит на это сквозь пальцы. Вчера привезли сорок человек, половина из них оказалась ни на что не годна. Я взял на себя ответственность. Мои люди расстреляли их в овраге. Сейчас у нас тридцать девять заключенных, практически нет молодежи и детей. Я считаю, что это саботаж, господин оберштурмбаннфюрер.

– Хорошо, Зингер, я разберусь, – заявил Штеллер. – Показывайте, чем богаты. Посмотрим, что можно выбрать.

Молодой офицер лаконично отдавал приказания. Забегали солдаты, залаяли овчарки. Из бараков на плац потянулись ручейки людей. Штеллер наблюдал за ними из окна.

Хорошего действительно было мало. Людей не переодевали, они носили то, в чем были в гетто – залатанные пиджаки, потертые кофты, бесформенные юбки.

Эсэсовцы выстраивали людей перед бараками. Они особо не рукоприкладствовали. Заключенные слушались их и не питали никаких надежд. Люди стояли с низко опущенными головами, порывы сентябрьского ветра трепали волосы и бороды. У многих на груди нашиты шестиконечные звезды Давида, отличительный признак обитателей гетто.

Штеллер вышел на крыльцо, неторопливо приблизился к шеренге, стал прохаживаться вдоль нее. Многие украдкой поднимали глаза, потом опять утыкались в землю. В принципе,

Альфред мог бы выбрать себе материал для следующего эксперимента. Не все так плохо. Можно обойтись и без традиционных двадцати подопытных. Достаточно дюжины. Но принципиальный разговор с оберштурмбаннфюрером Зольтке – главой администрации Оршанского гетто – он обязан провести.

В небе что-то рокотало, глухо, далеко, с какими-то трескучими раскатами. Штеллер поежился, в горле у него вдруг пересохло. Он невольно остановился, наострил уши. Узники тоже насторожились, стали прислушиваться.

У Альфреда возникло жгучее желание дать в рожу молодому парню, синеющие губы которого разъехали в усмешку. Эти-то чего радуются, им осталось всего ничего.

«Рокотать мог гром. С востока приближается темная облачность, – подумал Штеллер. – Почему же погодные явления ассоциируются у меня с чем-то другим? Этого не может быть! Еще рано. Я должен закончить работу. Германские войска не пустят в Белоруссию дикие большевистские орды».

Глава 2

Крупными успехами в осеннюю кампанию сорок третьего года Западный фронт похвастаться не мог. Он очистил от войск противника Смоленщину, а в восточных районах Белоруссии наступление стало стопориться. Войска продвигались неравномерно, где-то вгрызались в оборону противника на полтора десятка километров, где-то – на три-четыре.

Части вермахта упорно сопротивлялись, отступали неохотно, переходили в контратаки. Достижения были скромными, потери – чрезмерными. Зарядили проливные дожди, дороги раскисли, растянулись обозы и резервы. Матерящаяся пехота месила грязь, в ней застревали орудия и машины.

В зоне ответственности гвардейской армии дело шло веселее. Работала артиллерия, танковые роты совершали глубокие охваты, били по флангам противника. Местность тут была умеренно лесистая, много полей, проселочных дорог.

К утру 29 сентября прекратился дождь, выглянуло солнце. Части и подразделения гвардейской стрелковой дивизии к рассвету вышли к опушке Кудринского леса.

У городка Буровичи немцы возвели основательный укрепрайон. Они несколько месяцев сгоняли сюда население и заставляли рыть рвы, стягивали резервы – части усиления СС, полицейские подразделения.

Немецкое командование готовилось к отражению удара русских, и все же он стал для него полной неожиданностью. Несколько минут гвардейские реактивные минометы «БМ-13» перепаживали вражеские позиции, крушили боевую технику, сжигали личный состав. Сигнал к атаке был дан сразу за последним залпом. Танковые колонны по заранее разминированным дорогам устремились в долину через поле. За ними в дело пошла пехота, сначала на грузовиках, потом спешивалась, растягивалась в ломаную цепь.

К ударам советских «катюш» немцы так и не привыкли. Наладить организованное сопротивление им не удалось. Танки «Т-34» ворвались в укрепрайон, за ними хлынула пехота. Немцы отступали на броневиках, пешим порядком. Упорно сопротивлялись лишь подразделения СС, которым нечего было терять. Но их подавляли минометным и артиллерийским огнем.

В течение часа моторизованная пехота взяла Буровичи, райцентр, в котором до войны проживало 12 тысяч населения. Войска развивали наступление, растекались по полям и перелескам.

Уже через два часа они вплотную подошли к Злотову, второму по величине населенному пункту района. Здесь сходились стратегически важные дороги, работала переправа через реку Земан.

Этот населенный пункт штурмовал стрелковый полк. Остальные части пошли по другим направлениям. Городишко был растянут, дома карабкались на холмы.

Сильной обороны здесь не было. Злотов защищали мотопехотный батальон и недоукомплектованная рота ваффен СС. Из Подгорья, которое часом ранее захватила Красная армия, подошел потрепанный танковый батальон. Мощные «Тигры» занимали позиции на восточных околицах.

Из штаба генерала пехоты Курта фон Типпельскирха летели истеричные депеши. Держаться любой ценой, подкрепления уже в пути! Но немцы выдавали желаемое за действительное. Эшелон из Витебска с тяжелыми орудиями, высланный на усиление местных частей, днем ранее партизаны пустили под откос. Гарнизон мог рассчитывать только на себя.

Танковая дуэль продолжалась недолго. На поле чадно дымили несколько «тридцатьчетверок», но и половина «Тигров» оказалась выведена из строя. Артиллерия, установленная на прямую наводку, кучной стрельбой проделала брешь в обороне.

Поднялась пехота, с ревом устремилась на вражеские позиции. Бойцы валились под плотным пулеметным огнем, но тех, которые выжили, это только злило. Окопы противника забрасывали гранатами, бросались врукопашную. Немец не выдержал, начал откатываться.

Через город с востока на запад шли две основные улицы – Замковая и Сухарная. В советские годы их так и не удосужились переименовать во что-то «революционное». Обе на другом конце города выходили к Земану, сравнительно полноводной речушке, протекающей с юга на север. Вдоль нее пролегла центральная Троицкая улица. На севере она смыкалась с Замковой, на юге – с Сухарной.

Здесь, с видом на живописные берега Земана, располагались основные учреждения оккупационной администрации. Бежать на запад немцам было удобно. Единственный мост располагался под боком. На Сухарной и Замковой еще шел бой, солдаты вермахта медленно отступали, цеплялись за каждый клочок городской земли, а переправа через Земан уже работала. Уходили штабные машины, грузовики с ранеными.

Северо-восточнее Злотова, в пригородном поселке Калинки, тоже шел бой. На правом фланге полка находился батальон майора Белякова.

Поселок был крохотный, с единственной достопримечательностью. До лета сорок первого здесь дислоцировалась воинская часть. Сохранились склады, мастерские, военный городок, который немцы использовали для своих нужд. Там располагалась и кирпичная гауптвахта, обнесенная вместе с караулкой бетонным забором.

Приказ держаться командир немецкой мотопехотной роты воспринял буквально и погиб в первые же минуты стремительной атаки. Танки ворвались на территорию поселка, повалили ограду воинской части. Очаги сопротивления были разрозненными, их подавляли один за другим. Поселок окружили, вырваться удалось немногим. Солдаты вермахта бросали оружие, поднимали руки.

Группа фанатиков заперлась на гауптвахте, не хотела сдаваться. Толстые двери выдерживали взрывы гранат. Немцы отстреливались из узких зарешеченных окон.

Помогла солдатская смекалка. Несколько бойцов забрались на крышу двухэтажной кирпичной глыбы, стали бросать горящие тряпки в вентиляционные отдушины, лили туда бензин из канистр, для пушного эффекта швырнули пару лимонок. Немцы вываливались из подвалов с вытаращенными глазами, задирали руки.

Майор Беляков бодро доложил по рации в штаб:

– Калинки наши, немцы сдаются, идем на Земан!

К полудню сопротивление в Злотова было подавлено. Начиналось паническое бегство. Немцев выдавили с Сухарной и Замковой. Они рассыпались по прибрежным оврагам, пробрались к воде, бежали по Троицкой улице к мосту.

Мост был основательный, бетонный. К северу от него, за тальником, располагались лодочная станция и небольшая пристань.

Основные силы гарнизона успели проскочить на западный берег, прежде чем в бой включилась батарея батальонных минометов. Их подвезли на полуторках к перекрестку Замковой и Троицкой улиц и с ходу пустили в дело. Ликвидировать единственную переправу было глупо. Били по западному берегу, где в колдобинах застревали машины.

Последним к мосту подошло подразделение немецких минеров. Они спешно закладывали под опоры взрывчатку, нервно посматривали на обрыв. И правильно делали!

На их головы буквально обрушилось отделение советских разведчиков в маскировочных халатах! Саперам не хватило минуты, чтобы подорвать мост. Трех порубили в фарш саперными лопатками, двое бросились в воду, поплыли отчаянными гребками. Остальные благодарно воздели руки.

По мордам им, разумеется, надавали не по-детски. Но русский человек отходчив. Солдаты отвели души и бросили пленных в грязь. Этих можно и живьем взять, не эсэсовцы. Раз-

ведчики перекурили, позволили пловцам добраться до середины реки. Потом бывалый ефрейтор отправил их на дно длинной очередью из ППШ.

А по мосту уже бежали красноармейцы, развивали наступление. Грозная обугленная «тридцатьчетверка» карабкалась на настил, давила мертвых солдат великого рейха.

Вскоре по мосту уже гремели танки с пехотой на броне, тягачи тащили орудия, маршировала пехота. Подразделения дивизии развивали наступление.

Солдаты еще не знали, что через двадцать километров им придется встать и отбивать контратаки врага, а потом вгрызаться в землю. Наступление полностью застопорится на всех участках фронта. Атаки на Витебск и Оршу провалятся, продвижение в глубину территории, занятой противником, окажется минимальным. На несколько месяцев в полосе Западного фронта, который к весне переименуют в Третий Белорусский, воцарится глухое затишье. Красная армия будет накапливать силы для нового броска.

Севернее Злотова и прилипших к нему Калинок простирались обширные заболоченные Панинские леса, названные так в честь давно исчезнувшей деревушки. В этом краю площадью в несколько десятков квадратных километров не было ничего, кроме непролазных болот и девственного леса. Несколько тропок, о которых знали только старожилы, плюс дурная слава гиблых мест. Наступающие войска с двух сторон обтекали заболоченную низменность.

Стремительное продвижение советской дивизии вызвало панику у персонала заведения. Они до последнего не верили, молились всем богам. Канонада приближалась с юго-востока, от Буровичей. Молодой ушастый унтер-штурмфюрер, весь белый от волнения, яростно крутил ручку телефонного аппарата.

Связь с Буровичами была оборвана. Командование батальона, расположенного в Орше, рекомендовало не паниковать. Все образуется, это всего лишь недоразумение, возможно, разведка боем.

Люди в белых халатах требовали от военных хоть какой-то ясности. Что происходит, черт возьми? Еще вчера русские были далеко, а сегодня уже рядом? Ни черта себе разведка боем. Да ведь в ней используется вся фронтовая артиллерия!

Эвакуироваться сотрудники заведения не успели. На востоке в зарослях ивняка разгорелась стрельба. Два отделения эсэсовцев схлестнулись с передовым дозором русских.

От Кудринского леса к заброшенной деревушке Межень, вблизи которой стояло учреждение, вела единственная проселочная дорога. Линия фронта здесь была понятием размытым. Командование дивизии отправило на прочесывание этой местности стрелковую роту, усиленную автомобильным взводом и пулеметными расчетами. Про объект в штабе не знали. Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон.

Автоматчики в плащ-палатках выпрыгивали из полуторок, растекались по складкам местности. Уносились прочь вырвавшиеся на поляну немецкие мотоциклы. Беспорядочная пальба усилила панику в исследовательском центре.

Капитан Чесноков, командир усиленной роты, быстро сориентировался в ситуации. Эсэсовцы, колючая проволока. Это явно не просто так. На важный объект нарвались! Он посадил четвертый взвод обратно на полуторку, приказал объехать объект и перекрыть дорогу на запад.

Бойцы работали оперативно. Трехтонный «Опель», нагруженный собранной впопыхах документацией, пытался прорваться за КПП, в направлении Панинских лесов, но его уже поджидали солдаты, залегшие по обочинам. Они отсекали огнем мотоциклистов, вырвавшихся вперед. На немцев обрушилась лавина свинца.

Первый мотоцикл на полном ходу свернул с проезжей части, грохнулся в кювет и загорелся. Водитель остался на обочине, лежал там, поблескивая массивными мотоциклетными очками. Остальные горели вместе с трехколесной машиной.

Второму мотоциклу удалось прорваться, но толку из этого не вышло никакого. Весь он был нафарширован пулями, перевернулся, стал кувыркаться, теряя люльку и мертвых пассажиров.

Трехтонный грузовик встал. Водитель понял, что не проедет. Он включил заднюю передачу. «Опель» пятился, виляя из стороны в сторону. Красноармейцы на обочинах били по нему из «ППШ». Разлетелось стекло в кабине. Истерично закричал рыжий унтер-офицер, сопровождавший водителя. Потом они оба откинули окровавленные головы и застыли. Машина остановилась в нескольких метрах от КПП.

Из открытых ворот выбежал солдат, явно получивший приказ уничтожить грузовик, набитый секретными документами. Он сгибался под тяжестью переносного ранцевого огнемета. За его спиной колыхались баллоны с азотом и горючей смесью. Огнеметчик направил брандспойт на машину, лихорадочно включил воспламенитель, крутанул вентили подачи азота и горючей смеси. Она вырвалась из брандспойта под напором сжатого газа, и бортовую машину охватило пламя.

Огнеметчик пустился прочь, но пули пробили баллон. Через мгновение он сам превратился в факел.

Тушить машину красноармейцы не стали. Сделать это было невозможно. Бойцы перебежали к воротам. Кто-то из них сошел с дороги, наступил на мину. Еще один огненный столб рванулся в небо.

Загрозотал пулемет на охранной вышке. Бойцы залегли, скатились в кювет.

По дороге к запретной зоне спешила советская полуторка. Пулеметчик в кузове самозабвенно изводил боеприпасы. Огневая точка была подавлена, мертвое тело свесилось с ограждения, каска покатила с головы. Но охранники на воротах яростно отстреливались. Приказа сдаваться они не получали. Да и знали, что советские солдаты не будут брать в плен эсэсовцев. Им оставалось лишь подороже продать свои жизни.

Водитель полуторки собрался объехать горящий «Опель», протаранить ворота. Но пули продырявили капот, сорвали с него крышку. Кабину окутал едкий дым. Машина ушла к обочине, угодила носом в кювет. Водитель и пулеметчик покинули горящий автомобиль.

Бойцы отползали, искали укрытия. С ходу прорваться через КПП им не удалось.

С востока на огражденную зону наседали три взвода капитана Чеснокова. Красноармейцы валом ринулись из кустарника. Едва они оказались на поляне, как под ногами у них стали рваться мины! Они тут были везде. В первые же минуты боя Чесноков потерял с десятков бойцов.

Он надрывал голосовые связки:

– Всем залечь! Малым ходом вперед! Высматривайте эти хреновы мины!

На опушке устроился пулеметный расчет, открыл кинжальный огонь по ограде с колючей проволокой и строениям, расположенным за ней. Их оборонял взвод эсэсовцев. Они рассредоточились, яростно отбивались.

В исследовательском центре царил переполох. Взбешенные автоматчики врывались в бараки концлагеря, расстреливали людей, жмущихся к стенам. Заключенных оказалось немало. Днем ранее привезли свежую партию из Орши. Женщины, подростки орали от страха, падали на колени, умоляли пощадить. Какой смысл в их смерти? Кровь текла рекой, валились мертвые тела.

Несколько молодых мужчин бросились на солдат, чтобы отобрать оружие, но не добежали, попадали. Вспотевшие эсэсовцы с искаженными лицами едва успевали менять магазины. Они закончили свое дело и бросились прочь. Кто-то расплескал бензин из канистры, бросил спичку.

Охранники выбегали из концлагеря, метались, попадали под пули. Горело здание бывшей психиатрической лечебницы. На улицу выбегали люди в форме, штатские. Кто-то тащил

чемоданы, по наивности полагая, что еще удастся бежать. Практически все они оказались на открытом пространстве и погибли. Несколько человек бросились обратно к зданию, скатились по пандусу в подземную часть.

Соппротивление слабело. Большинство солдат, оборонявших центр, приказало долго жить. Остальные огрызались, но у них кончались патроны. Над медицинским центром завис смрадный дым, горели бараки.

Охрана на КПП уже была перебита. Советские автоматчики в плащ-палатках просачивались на территорию заведения. На восточном рубеже тоже все было кончено. Пулеметчики подавили последние очаги сопротивления. Выжившие эсэсовцы бежали, отстреливаясь, к входу в подземелье. Красноармейцы рвались по дороге, ведущей к запертым воротам. Там не было мин. Грохнули несколько гранат, и повалились опорные столбы. Дальше препятствий не было. Солдаты вбегали внутрь, соединялись с теми, которые шли от КПП.

Насквозь пропотевший капитан Чесноков ворвался на объект вместе с бойцами.

– Первый взвод налево, второй – направо! Оцепить периметр, чтобы ни одна живая душа не проскочила! – выкрикнул он.

Солдаты разбежались, спотыкались о мертвых. Стрельба прекратилась. Капитан растерянно вертел головой. И куда, скажите на милость, нас занесло? Что за объект? Ни о чем подобном разведка не докладывала. Два десятка бойцов положил, и во имя чего?

Ноги понесли его к горящим баракам. Колючка порвана, столбы валялись, будка караульной смены пылала как соломенная. Бараки догорали, от них исходила невыносимая вонь. Чесноков выхватил несвежий носовой платок, стал дышать через него.

Крыльцо барака частично уцелело. Он прыжком перебрался внутрь и отшатнулся. Повсюду обгорелые останки людей в штатском. Жуткое месиво!.. Вывернутые конечности, распахнутые рты, пустые глазницы. Мужчины, женщины, несколько подростков, почти детей. Их расстреляли, а потом подожгли. Зачем? Надеялись, что скроют следы своих преступлений?

Капитан попятился, пулей вылетел из барака. Он не удержался, его вырвало. Ему еще не приходилось освобождать концентрационные лагеря, даже такие маленькие.

Чесноков поспешил убраться подальше от этого жуткого места, подбежал к входу в подземелье. Там сконцентрировались все его наличные силы. Солдаты залегли, кто-то засел за углом вяло горящей больницы. В подземелье вел бетонный пандус. На нем валялись трупы в немецкой форме.

– И почему встали? – хрипло выкрикнул Чесноков. – Присядем на дорожку, выпьем на посошок? А ну, вперед, добьем врага в его волчьем логове!

Несколько бойцов уже подбирались к пандусу. И вдруг все ожило, загремело, взорвалось! Из подземелья вылетели гранаты с длинными деревянными рукоятками. Люди, загнанные в подземелье, предприняли отчаянную попытку вырваться.

По наклонному подъему бежали эсэсовцы с лицами, искаженными злобой. Они падали из автоматов. За их спинами размахивал «вальтером» молодой ушастый унтер-штурмфюрер. В его лице, сведенном судорогой, не осталось ни кровинки. За ними держались люди в штатском, кто-то в белом халате, который не успел снять. Они тоже держали в руках автоматы.

Контратака была энергичной, насыщенной ревом и свинцом. Эсэсовцев было не меньше десятка, они перли тараном.

Но советский солдат был уже не тот, что в сорок первом. Бойцы падали из автоматов. Когда дистанция сократилась до ноля, они выхватили саперные лопатки и бросились врукопашную. Стычка была недолгой, но яростной. Уцелевших эсэсовцев сбросили к подножию пандуса и расстреляли из автоматов.

Корчился унтер-штурмфюрер, получивший пулю в живот. Его избавил от мучений молодой боец, пробил череп короткой очередью.

Вместе с эсэсовцами полегли несколько штатских. Кому-то удалось шмыгнуть обратно в подземелье. Им вслед полетели гранаты. Потом лавина красноармейцев хлынула вниз.

Капитан Чесноков шел со своими людьми.

«Осторожнее надо, – мелькнула у него гадкая мысль. – Мало ли что здесь может быть».

В глубине подземелья еще работали генераторы, и не все лампочки разбили пули. Солдаты в полумраке растекались по бетонным коридорам. В помещениях гремели выстрелы, билось стекло, трещала мебель.

Капитан свернул в какой-то коридор, озаренный бледным светом. Из комнаты по ходу движения вывалился мужчина в очках и белом халате. Он что-то гневно выкрикнул и припустил к повороту на лестницу. Чесноков вскинул «ТТ», дважды выстрелил ему в спину, перепрыгнул через труп.

На лестнице, падающей вниз, тоже горела лампочка. Капитана обогнал проворный красноармеец, пристреливший унтер-штурмфюрера. Он прыгал вниз по ступеням, когда из-за поворота внезапно вынеслась женщина в распахнутом белом халате. Белокурые волосы рассыпались по плечам, глаза затравленно метались. Она выругалась по-немецки, вскинула «люгер» и выстрелила. Красноармеец покатился под лестницу.

Чесноков тоже грязно ругался, посылая в чертову бабу пулю за пулей. Она визжала, дергалась, пока заключительный комок свинца не пробил высокий лоб. Капитан отшвырнул ее ногой, бросился дальше.

Там были какие-то причудливые лабиринты, лаборатории со стеллажами. Еще недавно здесь стояли микроскопы, пробирки, ампулы, баночки. Теперь все было порушено, кругом валялось битое стекло, растеклись какие-то жидкости. Шкафы, горелые бумаги, обугленные гроссбухи, толстые папки, содержимое которых уже невозможно прочесть.

Похоже, он не ошибся насчет осторожности. У стены стояли стеклянные шкафы с противогАЗами и защитными костюмами.

Дальше коридор с крохотными клетушками. Почти все двери нараспашку. В нескольких клетках валялись обнаженные тела. Их будто заразили какой-то мерзостью. Кожу покрывала сыпь, животы разбухли.

Чесноков попятился. Он не был полным идиотом, догадывался, что нож и пуля – не единственные угрозы для жизни.

– Все назад! – выкрикнул он и попятился, махая пистолетом. – Оглохли, товарищи бойцы? Передавайте по цепочке: все назад из подземелья. Тут будут работать специальные команды! А то подхватите какую-нибудь холеру!

Красноармейцы выбегали наружу, вытаскивали своих раненых. Кто-то нервно закурил, другие попадали в траву.

Чесноков вышел в числе последних. Да, они явно нарвались на засекреченную лабораторию, отбили ее высокой ценой. Самое противное, что немцам еще до штурма удалось тут все уничтожить.

– Собрать погибших! – прохрипел Чесноков. – Погрузить в машину! Всем выходить строиться! На объекте останется отделение Лопатченко! Ждать, пока придет специальная команда, или кто там еще.

– Товарищ капитан!.. – К ротному подбежал взмыленный ефрейтор с выпученными глазами. – Мы с Осиповым в самый низ спустились. Там такое!.. Пещера, тележки по рельсам катаются. Печь здоровенная, в которой мертвецов сжигают... как ее?

– Крематорий, – подсказал Чесноков.

– Ага, точно. Мы заглянули туда. Мама дорогая!.. Костей навалено по самое не горюй, черепа человеческие валяются.

– Так вон труба, – сказал кто-то. – Она у них, видать, и дымила.

– Разберемся, товарищи. – Капитан опять почувствовал позывы к рвоте. – Компетентные товарищи обязательно придут. Всем по коням! На этот объект мы не рассчитывали. Забыли про наступление?

Бойцы потянулись к западным воротам. Отделение, выделенное командиром второго взвода, собирало тела боевых товарищей, заворачивало их в плащ-палатки.

Тут послышался шум на другой стороне объекта. Матерились красноармейцы, пинками и прикладами гнали двух испуганных людей. Те что-то лопотали на немецком, закрывались руками.

– Петруха, давай я их пристрелю к едрене фене! – прокричал рыжеволосый боец, потерявший каску. – На хрена они нужны?

– Пусть командиры разбираются, нужны или в расход немчуру, – пробормотал усатый сержант, виртуозно работая прикладом. – Вроде не сопротивлялись, не стреляли, просто бежать хотели. – Он схватил немцев за шиворот, бросил в пыль перед капитаном.

Силища у сержанта была богатырская.

Пленники с виду не представляли особого интереса. Среднего роста, сложения отнюдь не атлетического. Оба одеты в штатское, мягкие брюки, пиджаки, пуловеры. У того, который в очках, чудом усидевших на носу, поверх пиджака был наброшен белый халат, впрочем, уже серо-зеленый. У второго были выбиты два передних зуба. Он потешно свистел, таращил глаза. У него было вытянутое лицо. Глубокие залысины налезали со лба на макушку.

Мужчины вели себя смиренно, тряслись от страха, жалобно смотрели на капитана. Они что-то взволнованно лепетали, глотали слова.

– Из подземелья вышли, товарищ капитан, – отчитался сержант. – Вон там, на той стороне, еще один ход был из их бункера. Мы гранату подложили, нет его больше. Смотрим, люк такой в траве открывается, и эти двое лезут. И ведь чуть не ушли эти черти фашистские. Насилу догнали. Хотели кончить, но они вроде без оружия. Мы обыскали, нет у них ничего.

Мужчина с залысинами начал энергично что-то бормотать, жестикулировать.

– Встать! – приказал Чесноков.

Немцы поняли, стали подниматься. Мялись, потупившись в землю.

– Харченко, ко мне! – позвал Чесноков командира третьего взвода, достаточно сносно изъясняющегося на немецком. – Спроси, кто такие, что за хрень тут у них.

Трещали оба разом, что-то просили. Харченко поморщился. Сообразительный сержант треснул очкарика по затылку. Тот заткнулся. Теперь говорил другой, потом выдохся, тяжело задышал.

– Тут у них что-то вроде научно-исследовательского медицинского центра, – проговорил Харченко и озадаченно почесал затылок. – Вирусы всякие, бактерии чумы, сыпного тифа. Разрабатывали лекарства от этих болезней.

– А сколько народа положили по ходу своих разработок? – проворчал Чесноков. – В бараках уйму людей настреляли, в крематории сколько нажгли. Евреев массово уничтожали, суки.

– Говорят, что это не они. – Харченко пожал плечами. – А некий оберштурмбаннфюрер Штеллер. Он и его заместитель выехали отсюда еще вчера. Этот упырь был у них за старшего и за главное медицинское светило. А они, дескать, простые исполнители, люди сугубо штатские, прибыли в длительную командировку из какого-то научного центра. Тот, что в очках, – некий Рунгер, старший лаборант. Второй – Зигмунд Киттель, член исследовательской группы, занимающейся какими-то вирусами. Уверяют, что не имеют к армии и СС никакого отношения, вели научную работу, не зная, во что это должно вылиться.

– Ага, не знают они, – заявил сержант. – Сейчас они все невинные овечки, в фашистских преступлениях не участвовали, боже упаси. Спросите у них, товарищ лейтенант, может, они еще и евреев спасали? Им орден дать?

Чесноков кусал губы, усиленно размышлял.

«Эмоции – это одно. Но за них меня в штабе дивизии по головке не погладят. Эти двое – все, кто тут выжил. Документация уничтожена, оборудование тоже. Если узнают, что я их расстрелял, то у меня могут быть неприятности».

– Грузите в машину этих овечек, хлопцы, – распорядился он. – Отправим в Златов под конвоем, пусть там решают, куда их. Харченко, передай командование Рудакову, поедешь с ними. Надеюсь, Златов уже у нас. Все расскажешь представителю Смерша или кого там найдешь. А нам эти геморрой ни к чему, наступать надо.

Бойцы покидали разгромленный объект. Отделение, оставшееся там, принимало его под охрану.

Солдаты гнали задержанных к машине.

– А ну, пошевеливайся, немчура! – покрикивал конвоир. – Пинками подогнать или как? Тормозной жидкости напились? Молитесь, уроды, что вам пока жизнь оставили!

В четыре часа пополудни немецкие войска сделали попытку перейти в контрнаступление. Ударная группа из нескольких пехотных батальонов при поддержке двух танковых рот прорвала фронт напротив Златова и двинулась в восточном направлении.

Две советские стрелковые роты, стоящие на этом направлении, пятились к Земану, ожесточенно огрызались. До моста через реку не дошли, спешно рыли окопы на косогоре. Туда прибыла полуторка с противотанковыми ружьями. Полтора часа шел отчаянный бой, в ротах уцелела треть личного состава. Даже раненые тянулись к оружию, отказывались уходить в тыл. Восемь хваленых «Тигров» горели на подъезде к мосту.

В шесть вечера подошло подкрепление, и свежие силы ринулись в бой. Немцы выдохлись, стали откатываться. Всю ночь по мосту через Земан шли танки и пехота.

С рассвета наступление продолжилось. Но фланги советских войск были сильно растянуты, резервы еще формировались. Разрозненные части вермахта бросались в отчаянные контратаки. До Витебска и Орши советские войска не дошли, встали, начали закапываться в землю. Немцы занимались тем же. Атаковать ни у кого не было сил.

Линия фронта установилась в двадцати километрах к западу от Златова. Городок оказался в ближнем тылу.

Лейтенант Харченко доставил задержанных в Златов. Никакой комендатуры и отдела контрразведки там еще и в помине не было. Город только взяли, там царила неразбериха. На окраинах еще трещали выстрелы. Солдаты разбирались с бродячими группами немцев и полицаяв.

Часть полка ушла за Земан, другие подразделения растеклись по району. Начштаба убили, комполка тяжело ранили. Офицеров оставалось с гулькин нос, в основном низового звена. Солдаты занимали здание немецкой комендатуры, где до войны размещались советские власти.

Харченко проклял все на свете, пока отыскал замордованного делами капитана полковой контрразведки Топтыгина. Он поймал его в коридоре комендатуры. Тот бежал во двор, где его ждал «газик», загруженный солдатами.

– Товарищ капитан, я настаиваю! – рявкнул вконец отчаявшийся Харченко.

Топтыгин с изумлением уставился на него, недоверчиво покрутил головой, потом вернулся в пустой кабинет, где еще висели немецкие шедевры наглядной агитации, и крикнул в окно, чтобы подождали. Харченко лаконично изложил самую суть дела. Топтыгин очумело качал головой, раздраженно фыркал. Только этой проблемы ему сейчас и не хватало! Какой еще секретный объект медицинской направленности?! Но реагировать надо. Его по головке не погладят, если проворонит что-то важное.

– Ну и что с тобой делать, лейтенант? – Топтыгин вскочил и забегал по кабинету. – Вот скажи, какого хрена ты этих деятелей ко мне привез? Давай так. Калинки знаешь? Это там. – Он махнул рукой. – Поселок на северной окраине, фактически в городской черте. Там у нас взвод и старая гауптвахта. Бывшая воинская часть. Найдешь. Вези туда своих доходяг, пусть их поместят на гауптвахту. Туда мародеров тащат, дезертиров, сдавшихся полицаев. Некуда больше. Найдется место и для твоих гавриков. Скажешь, полковая контрразведка распорядилась. Пусть охраняют. А я свои дела закончу и потолкую с твоими фрицами. Вдруг и правда что-то ценное. Ну, давай, лейтенант, с коммунистическим приветом, как говорится. – Топтыгин вытолкнул Харченко из кабинета и устремился вниз по лестнице.

Обрадованный лейтенант тоже прыгнул в машину и повез немцев в Калинки, до которых от Троицкой улицы было рукой подать. Скандала на гауптвахте не вышло. Услышав фамилию контрразведчика, военный с погонами старшего лейтенанта отомкнул два зарешеченных отсека, втолкнул в них задержанных.

– Кормить не обещаю, – проворчал он, чтобы хоть как-то выразить свое отрицательное отношение к происходящему. – Мне своих-то вояк кормить нечем. А тут еще эти дезертиры, предатели всякие.

Харченко облегченно вздохнул, принял у старлея расписку в получении господ Киттеля и Рунгера и кинулся на объект снимать людей Лопатченко. Они для боя нужны! Топтыгин сюда своих подвезет.

Но капитана Топтыгина через час убили. На берегу Земана к северу от Злотова разведчики зафиксировали группу немецких солдат с пулеметами и высокопоставленным офицером абвера, который Топтыгину был крайне нужен. Он давно охотился за этим типом, имеющим отношение к разведшколе, расположенной в городе Рошеве.

Немцы пытались переправиться через реку, которая на данном участке имела бурное и опасное течение. Им пришлось вязать плот из того, что было под рукой. Другого способа они не нашли. В группе были раненые, в том числе и тот самый офицер, подстреленный в ногу.

Надежда на глухое местечко не оправдалась. Два отделения красноармейцев заблокировали участок берега. Капитан Топтыгин предъявил ультиматум, только вот чересчур высунулся. Пуля попала ему в голову. Немцев вместе с плотом забросали гранатами, уничтожили всех. Офицер абвера унес на тот свет все свои тайны.

Глава 3

Отгремели сражения в восточной части Белоруссии, откатился фронт. Земля приходила в себя после жарких сражений. Люди убрали трупы, свои и чужие, ремонтировали дороги и мосты, по которым на запад уходили войска. Части дивизии теперь дислоцировались в соседнем Родзюковском районе.

В Злотова остался обескровленный полк, потерявший почти всех офицеров. Два батальона обустроивали укрепленный район на западном берегу Земана, еще один дислоцировался в Калинках, на территории бывшей воинской части. Там же расположились штаб полка, гарнизонная гауптвахта, палаточный городок, в котором обретались бойцы артиллерийской батареи и отдельного танкового батальона, от которого фактически осталось только название.

В самом Злотова на Троицкой улице заработала комендатура. При ней был сформирован комендантский взвод для патрулирования и несения караульной службы в самом городе. На улицах появились первые милиционеры.

Заработал горком партии, состоящий из бывших партизан и активистов, прибывших с востока. Туда ежедневно выстраивались очереди. Люди хотели знать, как жить дальше, где работать, на что кормить семьи.

Прошло четыре дня. Из штаба дивизии в полк поступало офицерское пополнение. В Калинках разгружались полуторки, переключались люди в погонах, перебрасывали чемоданы, набитые вещами. Офицеров распределяли по подразделениям, селили на квартирах в частном секторе. Подошла свежая танковая рота, влилась в часть. Прибыла минометная батарея, расчеты отправились в палаточный городок.

Через город на запад тянулись войска. Тягачи тащили орудия, лязгали гусеницами громоздкие «САУ». По соседству с батальонами расположилась рота войск НКВД по охране тыла действующей армии. Отдел упомянутой организации появился в Злотова. На площадях бывшей фабрики металлоизделий заработали мастерские по ремонту автотранспорта и военной техники. Открывались магазины. Продукты распределялись по карточкам.

В Калинках на территории караульного помещения действовала гауптвахта. Немцы за два года расширили там жилые площади. Теперь это заведение могло вместить до полусотни клиентов. Окна камер, расположенных на первом этаже, были забраны мощными решетками. Заключенные сквозь них хоть изредка видели солнечный свет. Внизу же, в извилистом подвале, освещение было минимальным. От немцев сохранились матрасы, какие-то подобия подушек. Воздух в помещениях был относительно сухой.

Арестантов кормили дважды в день. После обеда их выводили гулять во внутренний двор под жестким присмотром автоматчиков.

Про немцев, привезенных из-под Межеля, все начисто забыли. К ним никто не приходил, их ни разу не вызывали на допрос. Ирония судьбы. Те люди, которые что-то знали про этих персон, были либо далеко, либо мертвы.

Мужчина с глубокими залысынами, назвавшийся Киттелем, сидел в последней камере. За четыре дня он сильно осунулся, в пиджак и пуловер намертво въелась тюремная вонь. Настроение у него было сквернейшее. Он не бунтовал, выполнял все прихоти надсмотрщика, если понимал, чего тот хочет. Послушно принимал пищу, выходил на прогулку, заложив руки за спину.

Его коллега, назвавшийся лаборантом по фамилии Рунгер, сидел в другом конце коридора. Они почти не виделись, и лишь на прогулке могли обменяться взглядами.

Соседние камеры сегодня пустовали. Их постояльцев караульные увели несколько часов назад, обратно не вернули.

Утром в подвал спустился некий ответственный офицер, явно вставший не с той ноги, вызвал начальника гауптвахты и принялся грозно разоряться:

– Какого хрена, товарищ старший лейтенант?! Кто тут у вас сидит? На каком основании вы их содержите и кормите за казенные средства? Полицай? Расстрелять к чертовой матери! Мародеры? Дезертиры и выпивохи? В штрафную роту! Пусть кровью искупают! Немедленно удалить их отсюда, списки ко мне на стол! А это кто такой?

Начальник гауптвахты что-то пробормотал на ухо офицеру.

Тот недоверчиво хмыкнул.

– И этот тоже?

Они остановились напротив решетки. В лицо заключенного ударил луч света.

– Так точно, товарищ подполковник, – пробормотал старлей. – Доставлены по приказу товарищей из Смерша, до особого распоряжения. Находятся здесь уже четыре дня.

– Надо же, – проворчал посетитель. – А с виду и не скажешь, что важные птицы. Ладно, пусть сидят, ждут своего часа.

Доктор Альфред Штеллер немного понимал по-русски. История была давняя. В начале тридцатых он стажировался на кафедре биологии Московского университета, даже водил приятное знакомство с одной аспиранткой, которая по иронии судьбы оказалась еврейкой.

Глухая депрессия первых дней заключения постепенно отступала. Появлялась надежда. За своего помощника Клауса Эрдмана доктор не тревожился. Тот ничего не скажет. Именно он и предложил выдать себя за других, если не удастся уйти.

Альфред проклинал себя за то, что так увлекся своими изысканиями, отверг голос разума. Ведь предупреждали его, что русские идут! Он не верил и остальных заразил этим чувством.

Отчаяние было зверское. Он всего добился, опередил своих коллег-конкурентов, поднял знамя немецкой науки на новую вершину! И так попасться! Пропало все – карьера, жизнь. Большевики узнают, кто он такой, вытянут всю полезную информацию, а потом повесят!

Но по мере нахождения в камере Штеллер начал сомневаться в этом. По-видимому, никто не подозревает, кто он на самом деле. Про филиал института бактериологии у русских информации нет. Его настоящее имя, Штеллер, им ни о чем не говорит. Их контрразведка молодая и еще неопытная. Военные, взявшие лабораторию, уже далеко. Дай бог, их нет в живых.

Фамилии заключенных в списках гауптвахты значатся, но никому не интересны. Если ты доктор Штеллер – то это проблема. Если же какой-то лаборант, согласный сотрудничать с большевиками, то это гораздо лучше.

Настал вечер. Штеллер лежал на мешковине. Свет был убавлен до минимума. У доктора медицины слипались глаза, он проваливался в сон.

Тут в коридоре кто-то возник, медленно двинулся вдоль решеток. Глухие шаги. Похоже, этот человек располагал свободным временем, решил пройтись, посмотреть, кто тут сидит.

Штеллер приподнялся, вытянул шею. На другой стороне решетки колебалось смазанное пятно. Ни лица, ни фигуры – все съедала темнота. Кажется, у него была фуражка и офицерские погоны. Вряд ли простой смертный мог сюда зайти.

Посетитель включил фонарик. Рассеянный свет мазнул лицо арестанта и пропал. Потом человек удалился. Ком застыл в горле узника. Но нет, тот вернулся, просто убедился в том, что в соседних камерах никого нет.

Незнакомец приблизился к решетке. Альфред тоже подался вперед, обливаясь потом.

– Доктор Штеллер? Очень рад, что с вами все в порядке, вы живы и почти здоровы, – проговорил этот человек по-немецки глухим шепотом.

– Кто вы? – Волнение зашкаливало, голос арестанта срывался.

– Тише, доктор. Мы с вами не одни в этом славном подвале. Я прибыл с той стороны исключительно по вашу душу.

– Вытащите меня отсюда!.. – Доктор тоже вцепился в решетку, чувствовал дыхание незнакомца, но по-прежнему не видел его лица.

– Убедите меня, что я должен это сделать.

– Да как же вы не понимаете!.. – Доктор чуть не задыхался. – Раз вы здесь по мою душу, значит, должны знать, чем я занимался. Я разработал идеальную вакцину. Она действует в ста процентах случаев, что наглядно подтвердили последние испытания. Я опередил всех своих немецких партнеров, да и русских, вакцина у которых не настолько совершенна. Да, когда наступали большевики, мы уничтожили всю рабочую документацию и запасы нового препарата. Но все, что нужно, находится здесь. – Он выразительно постучал себя по голове. – Только тут и больше нигде. Мои слова может подтвердить мой помощник Клаус Эрдман. Он тоже здесь. Мы работали вместе, но формулу готового вещества знаю только я. Уж поверьте и не совершайте непродуманных поступков.

Человек на другой стороне решетки выжидал, думал.

– Вытащите меня отсюда! – настаивал Штеллер. – Сделайте это прямо сейчас, пока тихо.

– Ну что вы, любезный доктор, – проговорил посетитель. – Сейчас я этого никак не сделаю. Я один, а вокруг нас целый полк русских. Гауптвахту охраняют три автоматчика, в караульном помещении еще семеро, за пределами ограды повсюду посты. Как говорят русские, один в поле не воин. Слушайте меня внимательно, доктор. Помощь придет, вас вытащат. Но не сегодня и не завтра. Про вас, похоже, здесь забыли. Если вспомнят и поведут на допрос, стойте на своем. Вы Зигмунд Киттель, второстепенный работник лаборатории. Доктор Штеллер сбежал до начала штурма. Эрдман вас не выдаст. Подтвердить вашу личность некому, русские о вашем центре не знают. Информацию о вас могут иметь службы, связанные с внешней разведкой, либо люди из медицинских кругов, но они далеко и включатся в игру не скоро. За это время вас успеют вытащить. Ведите себя покорно и смиренно, не буйствуйте, изображайте раскаяние. Ждите. Мы будем наблюдать за этим заведением. – Незнакомец растворился во мраке коридора.

Секунд через двадцать скрипнула входная дверь.

Доктор Штеллер перевел дыхание и начал молиться, хотя верил не в бога, а только в торжество всепобеждающей германской науки.

Густая темень накрыла Замковую улицу Злотова. Она получила название в честь бывшего имения князя Мстислава Лукоша, правящего этими землями во времена Великого княжества Литовского. Замок стоял к северу от городка, на живописном берегу притока Земана. В советские годы в нем действовал санаторий для рабочих и крестьян, работал ботанический сад, куда приезжали шумные экскурсии из Орши и Витебска.

В июле сорок первого сюда переместили госпиталь, который разбомбила немецкая авиация. От замка и сада остались лишь воронки и развалины.

Человек вошел в один из узких переулков, выходящих на улицу. Жимолость и малина еще не полностью облетели, частично закрывали обзор. Под ногами шуршал жухлый чертополох. Мужчина остановился у столба электропередач, стал водить носом, прислушиваться.

На сей раз он был в гражданской одежде.

В этой части города стояла тишина. Тучи удалились на запад, в разрывах облаков моргали звезды. Легкий ветерок приятно освежал. Осень взяла тайм-аут. В последние дни было сравнительно тепло и сухо.

Электричество в переулок еще не провели, дома и сады тонули в темноте. За занавесками кое-где поблескивали огоньки свечей.

Земля в переулке еще не высохла. Подошвы разношенных ботинок проваливались в грязь.

Прохожих не было, действовал комендантский час. Несколько минут назад по Замковой улице проехал автомобильный патруль, и кругом снова воцарилось безмолвие.

Размытый силуэт плыл по переулку. Мужчина знал, что патрули здесь ходят редко, да и не боялся он их. Восьмой участок от улицы по правой стороне. Здесь на штакетник были насажены несколько расколотых кувшинов. Вряд ли это добро приглянется уличному воришке.

За оградой сарай. Можно руку просунуть и коснуться дощатой стены. В земляную зава-линку врыт маленький деревянный ящик. Сверху ветка колючего боярышника, внутри земля, какие-то ржавые болты. Любой человек с улицы может оставить тут послание и получить ответ. Хозяину участка достаточно обогнуть сарай с обратной стороны, просунуть руку и забрать записку.

Тайник выдумывали на скорую руку. Чем естественнее, тем вернее.

Мужчина остановился, осмотрелся. Место надежное, забор на другой стороне сплошной, хозяева не видят, что происходит в переулке. Он отсчитал четвертую штакетину, просунул руку, укололся о боярышник, шепотом ругнулся по-немецки. Вечно эти русские со своей неуместной фантазией!

Он опустил в ящик свернутую записку, убедился в том, что она легла туда, куда нужно. Поднялся, покосился на козырек крыши сараюшки. Промокнуть от дождя бумажка не должна. Мужчина снова посмотрел по сторонам и заскользил дальше. Этот переулок через двенадцать дворов выходил на Сухарную улицу.

Прямой связи с руководством у агента не было. В его положении пользоваться рацией было бы самоубийством. Он передавал сообщения через связного. Тот забирал послания, отправлял их в центр в зашифрованном виде, получал ответ, расшифровывал его и помещал в этот же почтовый ящик.

Связной абвера знал о существовании агента, но не имел понятия, кто это. Зато агенту был прекрасно известен обитатель этого участка.

Советские компетентные органы учились работать, что называется, с колес. К осени сорок третьего они уже накопили приличный опыт, научились распознавать руку абвера и эффективно реагировать на происки противника.

Радиотехнические службы работали во всех районах, отбитых у немцев. Контролировались значимые населенные пункты, мосты, железнодорожные станции, любые подозрительные места, где могли засесть вражеские радисты.

Радиоигры и радиотехническая разведка за линией фронта не являлись приоритетными направлениями работы Смерша. Но станции пеленгования в крытых грузовиках под охраной мотоциклетных подразделений прочесывали все прифронтовые районы. Им зачастую доставался улов, попадались даже опытные радисты.

5 октября была перехвачена радиограмма. Машина технической службы стояла на Троицкой улице, замаскированная под хлебную будку. В одиннадцать утра она вдруг сорвалась с места и устремилась на север по Троицкой улице.

Радист находился километрах в трех севернее города, на берегу Земана. Содержимое послания немедленно срисовали. Буквально через минуту прилетела ответная радиограмма – видимо, из-за линии фронта. Ее тоже поймали.

Начальник группы связался с Буровичами, где находился их отдел, доложил ситуацию, получил приказ задержать радиста. К нему тут же прибыло отделение пехоты на двух «газиках».

Техника была несовершенной, очерчивала лишь квадрат, но не точное место. Людей оказалось мало. Несколько часов они лазили по тальниковым дебрям, выявили места, откуда мог осуществляться сеанс, но больше ничего сделать не удалось.

Радист ушел. Возможно, у него была машина и он использовал старую дорогу, тянущуюся вдоль тальниковых зарослей.

Обе радиограммы были доставлены в шифровальный отдел при штабе дивизии. Специалисты несколько часов ломали головы, но своего добились.

«От Вальтера Юргену, – гласило первое послание. – Посылка находится в районе. Объект активный. Координаты прилагаются. Просьба забрать посылку в ранее оговоренный срок. Координаты квартиры для запасного плана также прилагаются. Почтальон».

С тем, что называлось координатами, дешифровщики так и не справились. Им пришлось признать, что в абвере тоже работают опытные и хитроумные люди.

Ответная радиограмма из-за линии фронта сообщала следующее: «Почтальону для Вальтера. Вас поняли, посылку заберут в установленный срок. Создайте условия для беспрепятственной работы. Отследите сохранность посылки. Юрген».

6 октября в штаб полка с первыми петухами нагрянула оперативная группа дивизионной контрразведки. Потрепанный «газик» с впечатляющей пробойной в капоте резко затормозил у КПП в Калининках. В машине сидели четыре офицера в полевой форме: майор, капитан и два старших лейтенанта. Один из них за рулем. Персонал КПП не реагировал на их появление. Крупный старший лейтенант с каким-то простоватым лицом нетерпеливо просигналил.

– Спят служивые, – проговорил молодой старлей интеллигентного вида со смешливыми глазами.

Из будки выскочил заспанный сержант с соломенными прядями, торчащими из-под пилотки, засеменил к дороге, застегивая крючок на воротнике.

– Пересмена, товарищи офицеры, виноваты, служба, – пробубнил он. – Куда направляетесь?

– Кто мы? Куда мы идем?... – задумчиво глядя вдаль, пробормотал молодой старлей.

Широколицый майор, довольно молодой для своего звания, сунул под нос караульному волшебную книжку, открывающую любые двери и поднимающую какие угодно шлагбаумы. Пятиконечная звезда, под ней: «НКО, Главное управление контрразведки Смерш». Дальше разжевывать не пришлось.

Караульный подтянул винтовку, приклад которой едва не волочился по земле, побежал открывать шлагбаум.

Водитель газанул, машина, набирая обороты, покатила на территорию воинской части. Мимо пробежали секции бетонного забора, караульное помещение с примыкающей к нему двухэтажной кирпичной гауптвахтой.

– Расслабились товарищи солдаты, – брюзжал сухопарый капитан, с любопытством озираясь. – Почуяли мирную гарнизонную жизнь. Их тут голыми руками брать можно.

– Любого часового можно брать голыми руками, – высказал неоднозначную мысль накачаный водитель Василий Дорофеев. – Любой часовой, если правильно к нему подойти, существо бесправное, беззащитное и идеальная мишень, как бы он ни прятался.

– Товарищ майор, а что вам сказал начальник армейского отдела? – поинтересовался молодой старлей. – Вы вышли от него таким одухотворенным.

– Сказал, или работать, или под трибунал, – проворчал майор.

– М-да, неприятный расклад. – Старлей почесал затылок. – А вы нам что-нибудь расскажете о предстоящей работе? А то молчите, как партизан на собеседовании в гестапо.

Водитель хохотнул.

– К штабу давай, Василий, – спохватился майор. – Ты на футбольное поле нас везешь. Инстинкт, что ли?

Василий свернул, объехал развалившуюся казарму, какие-то склады, опоясанные колючей проволокой. В стороне остались спортивные площадки, склад горюче-смазочных материалов.

Сам поселок Калинки прятался за леском. В нем не было ничего интересного, кроме развалин. Он вплотную примыкал к Злотову, в него упиралась Замковая улица. Фактически это был один населенный пункт, разделенный лесополосой.

Машина затормозила у штаба, двухэтажного здания, построенного буквой «П». Здесь военные уже не спали. Во дворе стоял броневедомобиль, за мешками с песком прятался пулемет. Караульное отделение, выстроившись на плацу, получало задание от дежурного офицера.

Усердно дымила труба на крыше. Осень подминала под себя природу и людей. Солдатам уже выдали шинели и фуфайки, но менять пилотки на ушанки пока не спешили.

Напрягся часовой на крыльце, когда рядом с ним остановился «газик», набитый офицерами.

– Здесь меня ждите, – лаконично бросил майор, выбираясь через прорезь в борту. – Потолкую с комполка, или кто тут за него, а потом потрещим с вами по душам.

Подполковник Костычев – грузный пятидесятилетний мужик с одутловатым лицом – сидел в своем кабинете и распекал по телефону начальника вещевого склада, зажавшего партию теплых портянок.

– Немедленно раздать каптерам, Михаил Яковлевич! – разорвался комполка. – Я проверю! Для чего вы их держите? Ждете, когда в Берлин войдем? Перед немками будем красоваться? – Он отмахнулся, обнаружив в помещении незнакомого майора с голубыми ироничными глазами.

Тому пришлось повторно помахать волшебной книжицей.

– Виноват, товарищ майор. – Подполковник бросил трубку, поднялся, протянул руку. – Нам сообщили, что сюда едет опергруппа, но мы не думали, что вы прибудете так рано. Подполковник Костычев Федор Николаевич, исполняю обязанности командира стрелкового полка.

– Майор Попович Никита Андреевич, командир опергруппы. – Майор отозвался на рукопожатие. – Какое-то время пробудем в вашем городе по служебной надобности.

– Да, разумеется, товарищ майор. Мы поселим вас в военном городке. Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет.

– Спасибо, Федор Николаевич. – Майор опустил на стул. – Во-первых, мы намерены поселиться не здесь, а в самом городе на съемной квартире. Думаю, мы найдем ее самостоятельно. Во-вторых, мы требуем от вас всесторонней поддержки. Никакой болтовни!.. Давайте без обид, Федор Николаевич, договорились? В-третьих, у руководства нашей организации складывается впечатление, что доверять в этом штабе можно только вам. Именно по этой причине я сейчас сижу перед вами.

– Простите, я не понимаю. Я в этой части ровно неделю...

– Об этом нам известно, – сказал Попович. – У вас неплохая репутация, и ваша личность подтверждена товарищами, заслуживающими доверия. Вы именно тот, за кого себя выдаете. – По губам майора контрразведки пробежала туманная, ироничная усмешка. – Вы на фронте с первого дня, воевали под Москвой, командовали батальоном под Сталинградом в армии Чуйкова, достойно проявили себя в сражении под Прохоровкой, где получили легкое ранение.

– Вы изъясняетесь загадками, товарищ майор, – позволил себе толику недовольства комполка.

– Такая у меня служба, Федор Николаевич. Впрочем, буду с вами откровенен, поскольку по уставу обязан поставить вас в известность. Полк при наступлении понес тяжелые потери, в том числе в командном составе. Вас назначили вместо выбывшего Постышева. Офицерское

пополнение прибыло в полк пару дней назад. Это начальник вашего штаба Юдин, его заместитель, помощники по строевой и политической части. . .

– Такого пока не прислали, – перебил подполковник собеседника. – Проблема в наших войсках с замполитами, их выбивают в первую очередь.

– Согласен, – сказал Попович. – Но это куча народа. Вы обязаны с ними работать, хотя и не знаете этих людей. У нас имеются все основания подозревать, что среди данных офицеров затесался вражеский агент, выполняющий задание в этом районе.

– Вы уверены? – комполка насупился. – Все эти люди прошли через штаб дивизии.

– Но вы же понимаете, что нам противостоят не дураки. Абвер снабжает своих агентов достоверными документами и легендами. Эти люди прекрасно ориентируются на местности и в наших войсках. Они ответят на любой вопрос, какое-то время могут выдавать себя за советских офицеров и даже выполнять их должностные обязанности. Нами перехвачены радиограммы, подтверждающие эти опасения. Мы физически не можем проверить такое количество людей. К тому же агент уверен в том, что пройдет проверку. Есть серьезные основания предполагать, что это штабной офицер. Мы исключаем комбатов, офицерский состав артбатарей, танковых рот и тому подобного. Специфика их службы не позволяет вести работу в нужном им районе. А штаб полка будет стоять в Злотова и через неделю, и через две.

– Вы меня пугаете, товарищ майор, – пробормотал Костычев.

– Вражеских агентов скоро обезвредят, – успокоил его Попович и улыбнулся. – Вам часто приходилось рисковать, товарищ подполковник. Значит, загробная жизнь вас не пугает, а гипотетический лазутчик – легко? Впрочем, понимаю ваше беспокойство. Теперь вы знаете, с какой целью в город прибыл Смерш. Что требуется от вас? Полное содействие. Ни в коем случае не подавать вида, будто вы кого-то подозреваете. Это наша задача – подозревать и докапываться. Соблюдайте меры безопасности, иначе мы не напасемся командиров полков. Мы можем ошибаться, подозреваем штабиста, а это окажется какой-то штатский, пролезший в городское руководство. Со мной три офицера: капитан Кольский, старшие лейтенанты Дорофеев и Тетерин. Запомните эти фамилии. Иногда им придется меня подменять. Их указания следует выполнять точно так же, как и мои.

– Чем я могу вам помочь, товарищ майор? – пробормотал комполка.

– Ведите себя так же, как и десять минут назад. Не вздумайте к кому-нибудь присматриваться. Будут спрашивать, зачем приехал Смерш – подготовка к строительству фильтрационного лагеря для военнопленных и лиц, возвращающихся с оккупированной территории. Честь имею, товарищ подполковник. – Попович встал и небрежно козырнул. – Если понадобится, мы к вам обратимся.

Он вышел из штаба, не стирая с лица выражения легкой надменности, и направился к машине. Офицеры терпеливо ждали его возвращения.

Со своей командой он давно нашел общий язык. Судьба свела их в Курске несколько месяцев назад. По городу рыскали немецкие агенты и диверсанты, молодая контрразведка сбивалась с ног. Происходил естественный отбор. Для борьбы с реальным, а не мнимым врагом требовались определенные качества и подготовка. Эти трое справлялись, он взял их к себе под крыло и с тех пор ни разу не пожалел об этом.

Капитан Глеб Кольский был родом из Казахстана. Он прибыл на фронт еще в сорок первом, командовал ротой разведчиков в дивизии Панфилова. В Средней Азии у него остались жена и две дочери.

Борис Тетерин – москвич, родня в эвакуации, сам перед войной окончил Институт связи. Когда фашисты подошли к столице, записался в народное ополчение, бился с танками, прорвавшись к Красногорску. Самое поразительное, что остался жив, отчего и уверовал в свою бессмертность. Потом отправился на ускоренные офицерские курсы. Борис был начитан, сооб-

разителен, обладал изощренным воображением, что весьма неплохо для оперативного работника.

Старший лейтенант Василий Дорофеев являлся полной противоположностью Тетерина. Эти сущности притягивались и дополняли друг друга. Он жил в глухой сибирской тайге под Иркутском. Этот лесник и охотник был способен голыми руками завалить четверых. Василий соображал неторопливо и тягуче, но с народной смекалкой у него все было в порядке.

На этой войне он потерял двух сестер. Жизнь разбросала родню по стране. Одна погибла в сорок втором, в партизанском отряде на Смоленщине, другую, вместе с маленьким ребенком, растерзали каратели под Харьковом.

Офицеры с любопытством следили за командиром. Когда он подошел, они дружно выбросили окурки.

Попович забрался в машину и задумался. Дорофеев выжидал. Приказа трогаться не поступало.

– Предложения, товарищ майор? – востроился Борис Тетерин.

– Предлагаю совершенствовать свое мастерство, товарищи офицеры, – проговорил Никита. – Поработать для начала хотя бы мозгами. Выезжай на Замковую, Василий. Там остановишься.

Хвост за оперативниками не тянулся. Это было бы странно, но в нашем мире всякое бывает. Майор пока не знал, какими возможностями обладает противник, затаившийся в этом городке.

Машина проехала через лесополосу, свернула на Замковую улицу и остановилась среди домов частного сектора. Пейзаж портил обгорелый танк «Т-34».

– И какого хрена ты здесь остановился? – проворчал Тетерин. – Давай до следующего переулочка, там «Тигр» подбитый.

– Действительно, Василий, – буркнул Попович. – Мозгами-то шевели. Почему мы должны на это любоваться?

– Подумаешь, какие нежные. – Дорофеев снял машину с ручного тормоза, проехал полторы сотни метров.

Раскуроченный «Тигр» действительно смотрелся краше. Солидный снаряд угодил точно в окошко механика-водителя. Башня со стволом поникла.

Никита представил, как ему в физиономию прилетает снаряд, поежился и осмотрелся. Хвоста определенно не было, но он не сомневался в том, что «заинтересованные лица» о прибытии Смерш узнают в первую очередь. А также о встрече некоего майора с командиром полка.

Улица была оживленной. Мирные граждане безбоязненно выходили из домов, занимались своими делами. Подбитые танки ввиду нерасторопности соответствующих служб становились элементами антуража. Проехал трехтонный «ЗИС», груженный мешками с картошкой. На отдельных полях люди еще убирали урожай.

– Поговорим здесь, товарищи офицеры, без посторонних. – Никита выбрался из машины, прошелся взад-вперед. – Итак, перехвачены радиogramмы следующего содержания. – На память майор не жаловался, дословно воспроизвел текст обоих сообщений. – Поймать радиста не удалось. Он выходил на связь примерно в трех верстах от города, с берега реки. С солидной долей вероятности можно предположить, что в районе Злотова действует вражеский агент с псевдонимом Вальтер. Он не располагает рацией, передает текст послания некоему Почтальону, а тот связывается с центром. Знают ли эти двое друг друга, вопрос интересный. Возможно, нет, общаются посредством тайника. Район не имеет важного стратегического значения. Здесь нет железной дороги, объектов военной инфраструктуры. За исключением моста через Земан, который взят под усиленную охрану. Диверсия на нем исключена. Данная местность чем-то привлекает внимание абвера.

– Или кем-то, – вставил Кольский.

– Или кем-то, – согласился Никита. – Последняя версия – в приоритете. Что или кто имеется в виду под словом «посылка»? Явно что-то важное. Противник знает, что наши радиослужбы отслеживают район, и все же идет на риск. Данный объект или субъект определенно находится в районе Злотова. Что такое «объект активный»? Думаю, это просто. Он имеет важное значение для фашистской Германии. Когда заберут посылку? Уверен, речь идет о считанных днях. Расшифровать координаты наши умельцы не смогли. Видимо, фашисты предполагали, что мы можем перехватить радиограмму. Ладно, хоть основной текст поддался.

– Это важный немецкий шпион, располагающий ценной информацией? – предложил версию Тетерин. – Застрял на советской территории, не может выбраться?

– Не уверен. – Попович покачал головой. – Зачем вытаскивать одинокого шпиона, прекрасно знакомого с местностью? Линию фронта он пройдет без особых проблем. К тому же она не так уж и далека отсюда. Где-то пятнадцать, где-то двадцать верст.

– Ранен? – Дорофеев почесал затылок. – Может, на частной хате или в госпитале под видом нашего отлеживается?

– Или под конвоем, – заявил Кольский, – сидит за решеткой в темнице сырой. Гауптвахта в Калининках, губа в Боровичах, подвалы НКВД, ГБ. Наши могут и не знать, какую птицу при себе держат.

– Все версии имеют право на существование, – сказал Попович. – Я подозреваю – и полковник Мосин из дивизионной контрразведки со мной согласен, – что особое внимание следует обратить на военнослужащих, особенно на офицеров. В полку пополнение. Среди нового состава мог затесаться агент. У него легенда, отличные документы, не исключено прикрытие. Можно затеять повальную проверку, но сколько времени на это уйдет? Противник намерен провернуть свое дело за считанные дни. Изолировать всех прибывших офицеров мы не можем. За такое нас привлекут. Вальтер – не агент глубокого залегания. Он требуется лишь для конкретной операции. После выполнения исчезнет. Что касается Почтальона – не знаю. Он может дальше придерживаться легенды и использоваться абвером в последующей работе. Отсюда вывод – это не боевые офицеры. Те склонны к перемене мест и живут при частях. Наш клиент осел в тылу. Нам интересны штабисты, снабженцы, люди, имеющие свободу передвижения по району, живущие на частных квартирах. Радиста не поймали. Не значит ли это, что он колесит на служебной машине? Ушел из-под носа облавы, воспользовался проселочной дорогой, которых здесь уйма.

– Весь легковой транспорт повышенной проходимости мы можем взять на карандаш, – проговорил Глеб Кольский. – Реально выяснить, где находились машины в означенный срок, кто ими управлял.

– Вот ты этим и займешься, – заявил Попович. – Выйдем на Почтальона, потянется ниточка к Вальтеру.

– Хорошо, я этим займусь, – согласился Кольский. – Ты не ошибаешься, командир, утверждая, что наши клиенты носят офицерскую форму?

– Эта версия мне больше улыбается, Глеб. Вальтер, в отличие от Почтальона, которого внедрили явно не на этой неделе, человек новый. В совпадения не верю. Это персонаж с положением, возможностями, знающий местность. Теоретически это может быть штатский. К ним мы тоже присмотримся. Секретарь горкома, председатель горсовета, глава исполкома здесь тоже новые, прибыли с востока для восстановления советского порядка. Но мне почему-то кажется, что этот тип связан с военными. Хотя я могу и ошибаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.